

Творческое объединение «ЗЫБЧАНИЕ» представляет: ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Константин ПОПОВ

ПОДРАНОК

В тот год осень была как никогда яркой и праздничной. Солнце долго согревало остывающими лучами землю, и тихая золотая пора не спешила уходить из природы, еще дававшей приют последним остаткам угасающего тепла. Лишь в середине октября косяки перелетных птиц потянулись на юг. Их прощальные, исходящие криком караваны, все чаще появлялись над городом.

На одном из двух больших городских прудов, которые называли озерами, остановилась передохнуть стайка перелетных крякв. Горожане, давно отвыкшие от присутствия водоплавающих, с удивлением и любопытством собирались посмотреть на этот хоровод пернатых. Утки чинно плавали по водной глади, не приближаясь к людям, изредка ныряли за кормом, там же они и спали, спрятав голову под крыло, лишь иногда, по вечерам, прибываясь к обезлюдившему берегу.

Так продолжалось около недели, но однажды утром пернатых на озере не увидели. Утки продолжили свое долгое путешествие. Лишь одна темная точка маячила на середине пруда. Что-то помешало одной из птиц покинуть наши берега. Было ли то последствием мальчишеского ухарства, бессердечия более старших, или же дала знать о себе старая рана от выстрела охотника, трудно сейчас сказать.

Молодой селезень, что было заметно по начинающей зеленеть с синеватым отливом голове и дымчатому оперению, от людей старался держаться подальше, а они, привыкнув видеть утку каждый день на озере, даже перестали обращать на нее внимание.

После октябрьских праздников резко похолодало. По ночам прихватывало морозом, и лужи на улицах покрывались тонкой корочкой льда. Вода в прудах еще держалась, однако через несколько дней и она не устояла, медленно, от берегов начала застывать. И хотя лед был еще тонким и середина водоемов светилась узкой серебристой полоской, стало ясно, что со дня на день ледяной покров спрячет на зиму всё.

Пашка Моргач, живший на улице Набережной, дома которой выходили своими окнами на берег городского пруда, давно приметил одинокого селезня, бороздившего водную гладь и хорошо видимого из его окна. Моргач была не фамилия, а кличка, данная ему за привычку произвольно дергать веками, на которую он и откликался. Был он невысокого роста, с детства хромотал, упав неудачно с дерева. Работая на деревообрабатывающем заводе, потерял два пальца левой руки. Да и личная жизнь у него не сложилась. Молодая жена, с которой он прожил всего год, неожиданно сбежала с приезжим художником, оформлявшим стены столовой, где та работала. Пашка с тех пор и пристрастился к алкоголю.

Запой были частыми. Продолжая жить с матерью, он ее доводил своими выпивками с друзьями до сердечных приступов, после одного из которых та из больницы не вернулась. Оставшись один, он продолжал прежнюю жизнь, и хотя уже нигде не работал, получая только небольшую пенсию по инвалидности, выпивать меньше не стал. Откуда он брал денег на водку, никто толком не знал, однако участвовавшие пропажи во дворах его соседей, хотя и не прямо, но все же заставляли подозревать в этом Пашку. Но уличить его в подобном грехе не удавалось.

В доме у него царил беспорядок. Часть мебели он продал, оставив себе только кровать, кухонный стол да несколько табуреток, чтобы можно было посадить посещавших его собутыльников. Правда, вот уже неделю никто к нему не являлся. Последние запасы сала и соевых огурцов, которые он раздобыл, совершив вояж в подвал стоявшего на соседней улице многоэтажного дома, закончились еще вчера. Хотелось есть. Доставала и невозможность выпить. Однако есть хотелось все же больше.

На пустом подоконнике, у которого он сидел, стояла старая консервная банка, служившая ему пепельницей. Его внимание за стеклом было приковано к маленькой полынью в середине озера, где снова темная точка одинокой птицы, резкими движениями пытавшаяся не дать своему обиталищу попасть во власть льда.

Страхнув в очередной раз пепел со жгущей палыцы сигареты, Пашка оторвался от вида блестевшего в лучах солнца молодого ледка, осмотрел полупустую комнату. Этот подранок-селезень, пристанище которого сегодня должно замерзнуть, не давал ему покоя. Законный обед, который он уже считал своим, завтра, возможно, достанется кому-нибудь другому. И от этой мысли жевалки на его худом лице стали еще острее, задвигавшись в предвкушении решительных действий.

На дворе уже смеркалось. Еще раз взглянув через окно на пруд, уже потускневший в красном свете закатного солнца и предвещавшего ночью мороз, Пашка, наскоро одевшись, решительно направился в сарай.

Через несколько минут он, пятясь, выволоч оттуда старую лестницу, которой пользовался забираясь на чердак. На руке у него висела веревка. Прихватил с собой он и лежавшую на дворе длинную палку, чтобы легче было расправиться с раненой птицей.

Повесив лестницу на плечо и оглядываясь по сторонам, Пашка быстро пересек улицу и через несколько шагов оказался на берегу. Попробовав ногами лед, довольно крепко державший его у края уже подмерзшей земли, он привычным движением направился к центру озера, помогая себе своим орудием. Однако уже через десяток метров подозрительное потрескивание слегка прогнувшегося под ним ледяного панциря заставило его лечь. Подтянув к себе лестницу, он привязал к ней веревку, и, толкая перед собой, стал уже ползком продвигаться вперед, метр за метром отвоевывая пространство, ведущее к вожаемой цели.

Одинокая птица, все еще пытавшаяся бороться с морозом, бросаясь грудью на наступающую ледяную корку во все сокращающей свои размеры полынь, давно заметила приближающуюся темную фигуру. Беспокойно поглядывая в ту сторону и не прекращая своей, по-видимому, в этот вечер напрасной работы, дикая утка все больше задерживалась на противоположной стороне своего убежища. Издаваемый скользящей по льду лестницей звук пугал ее, однако птица по-прежнему оставалась в пределах своих владений, как бы понимая, что вне воды и с немощными крыльями, которые и не пробовала распрямить, она станет легкой добычей, ползущего за ней человека.

Преодолев большую часть своего пути, Пашка, наконец, заметил в быстро сгустившейся темноте совсем близкую воду. Селезень метался в замкнутом круге своего пространства, изредка издавая короткие негромкие звуки. Лестница уже коснулась крошки полыньи, над которой, как в бане, клубился испарения. Оставался последний рычок. Пашка приналег, пытаясь достать палкой утку, резко загреб рукой...

Неожиданно почувствовал, что опора стала уходить из-под него. С холодом в сердце он вдруг осознал, что проваливается под лед, один, далеко от берега, и никто ему сейчас не поможет. Резко подступившая к горлу крошка ледяной купели обожгла его шею, и он внезапно с головой окунулся в эту темную, смертельно опасную для него воду. Потерявшие опору руки беспорядочно ударили по поверхности, пытаясь помочь ставшему таким беспомощным телу приблизиться к ледяному берегу, который все крошился от судорожных движений, отказываясь принимать на себя человека. Лестница, которую он хотел притянуть к себе за веревку, вдруг также ушла концом под воду, — тонкий лед не выдержал и ее.

Резкий треск проваливающегося вблизи полыньи льда и внезапно раздавшийся над озером человеческий крик пробудили птицу. Селезень рванул в сторону, расправил крылья и, помогая ими в своем движении вдоль водяной полоски, над которой уже был не властен, как бы в последний раз отдаваясь второй родной своей стихии. И та вдруг приняла его. В безнадежном порыве он ощутил осязаемую силу своих крыльев, которые со все возрастающей скоростью оторвали его от воды и он, еще не понимая свое освобождение, как-то неторопливо и низко полетел над льдом, исчезнув через несколько мгновений в темноте наступившей ночи.

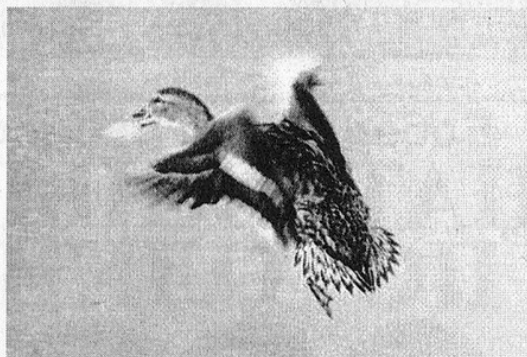
Все еще пытаясь спастись, Пашка судорожным взглядом успел заметить пролетающую над ним птицу. Это было последнее, что он увидел. Тяжелая, намокшая одежда потянула его ко дну.

Утром уже все озеро было покрыто блестящей коркой льда. Казалось, ничто не нарушало предстоящий зимний покой. Взошедшее солнце и прекрасная погода так и не дали никому повода усомниться в радостной полноте окружающей жизни.

Исчезновение дикой утки жители окрестных домов восприняли по-разному. Кто-то сожалел о замерзшей птице и невозможности ей помочь. Другие, наоборот, говорили, что нашлись добрые люди и помогли ей выбраться из ее ледового плена и она сейчас зимует в сарае общества охотников, приводя в доказательство видневшуюся на середине пруда и наполовину вмерзшую в лед лестницу с веревкой.

И только через несколько дней обнаружилось исчезновение Пашки, которого долго искали, но так и не нашли. Лишь весной, когда стал сходить лед, проходившие вдоль берега рыбаки опознали его вздувшееся и прибитое волной к берегу тело.

А когда значительно потеплело и стаи перелетных птиц снова замелькали над городом, заметили они как-то кружившую над озером, но так и не решившую сесть на воду утку, улетающую затем к северу догонять своих непоседливых сородичей.

«На взлете».
Фотоэскиз Александра КУЛЕШОВА.

Надежда КОЖЕВНИКОВА

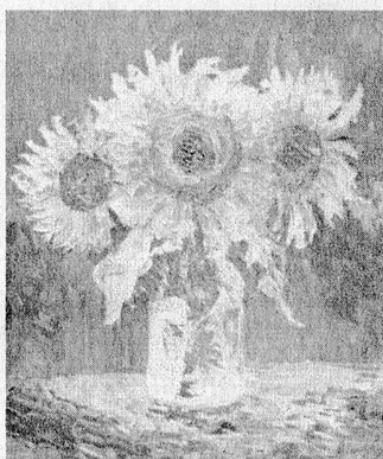
Все нам кажется, мы молодые.
Но к ненастью колени болят.
Пробиваются пряди седые,
И так хочется малых внучат.
Я скажу откровенно, коль спросят:
Не смотрите вы с грустью назад —
Впереди еще долгая осень,
Впереди золотой листопад.

Татьяна САМУСЕНКО

О БОГАТСТВЕ
О, суть людская! Все мы суетимся,
Хлопочем, бегаем, нам некогда
присесть;
В проблемах и делах своих
тоимся,
Хотим всех удивить и больше
приобрести.
Кто наживал богатство, — им
гордится.
Как жалко выбросить весь
устаревший хлам —
Висит на вешалках, в шкафах
жутится...
Вдруг что-то пригодится —
думается нам.
Откроем же, друзья, свои запоры,
От мусора очистим души и дома,
Вдохнем свободно
чистый воздух вскоре,
Иными ценностями полня закрома.

Надежда ЩИПАКИНА

РАДУГА
Радуга осенью, поздней и серой,
Будто рассвета запутанный след
С юга на север размазан без меры
Яркими красками. Словно и нет
Для своенравной природы законов
И хронологий — знает сама:
Тот, кто запретом на волю окован,
Сходит с ума.
И потому, всё, что есть, нарушая,
Будто подарок щедрой руки,
В небе висит, как улыбка большая,
Радуга всем временам вопреки.

«Подсолнухи».
Худ. Елена ЦЕЛОБАНОВА.

Любовь ЛАБУТИНА

МОЛИТВА
В делах, что изменить не смог,
Дай хладнокровия мне Бог.
Чтоб я, как есть, все принимала,
Душой смиренно не роптала.

Но если я смогу вмешаться,
Дай мне решимости набраться,
Дай мне отваги — потрудиться,
Успеха важного добиться.

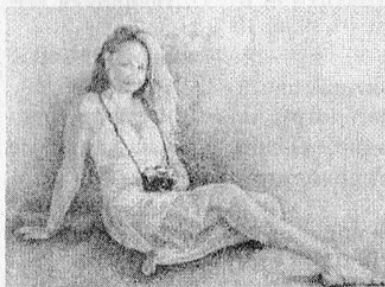
Вот если бы еще, о Отче,
Мне понимать как можно четче,
Когда все дело лишь во мне,
Когда в Божественной руке...

Елена АКШЕВСКАЯ

ВСТРЕЧА ВРЕМЕН ГОДА
Легкие хлопья пушистого снега
Тихо ложатся на зелень листвы,
Сочной травы изумрудная нега
Спряталась в белый налет седины.
Все так внезапно и быстро
случилось,
Как среди ясного небушка гром,
Осень, едва только с летом
простилась,
Как уже пляшет зима за окном.
Хоть еще листья с берез не упали,
Солнечным отблеском радуги лес,
Не почернели прозрачные дали,
Не затуманилась бездна небес.
Бесцеремонно зима так торопит
Пышную осень яркой красу,
Скоро завоюет она, загрозит
Каждую тропочку в пестром лесу.
И нет возможности сопротивляться,
Силы у осени с ней не равны,
Лишь остается покорно отдаться
Облуденной страсти зимы.

Людмила СТАРОДУБЕЦ

СТАРАЯ БЕРЕЗА
Я на дереве сухом сяду-посижу,
И о нем стишок простой я
сейчас сложу.
Долго жило дерево,
тень свою дая,
А сейчас засохло, лопнула кора.
Радовало взоры зеленью листвы,
У березки этой отдыхали мы.
Жалко мне березу,
глажу ей кору...
С ней я, как с живого,
долго говорю.

«Девушка с фотоаппаратом».
Худ. Виталий ДАНИЛЬЧУК.

Галина КИСЕЛЁВА

ОСЕННИЙ ПОХОД
Осень — наваждение,
тих ее приход,
С фотоаппаратом
я иду в поход...
Где еще недавно солнышко пекло,
Поникло все, засохло,
травкою заросло.
Воздух еще теплый, и земля,
как порох.
В тишине осенней —
сучьев треск и шорох.
Словно лето с нами вдруг
теплом вернулось,
Осень паутинкой солнышка
коснулась.
Огороды вспаханы, воробьи
проворно
Облепили ветки рябины
черноплодной.
Вертится, как флюгер,
с юга на восток
На последней ниточке
желтенький листок.
Я иду тропинкой, куст калины алой
наклонился грузно над изгородью
старой.
Смотрю на фотоснимки, лето
вспоминаю,
Времени мгновенья запечатлеваю.